

The background of the entire image is a deep space scene. At the bottom, the curved horizon of the Earth is visible, showing a bright blue atmosphere and white cloud patterns. In the top left corner, a portion of the Moon's surface is shown, featuring several dark, circular craters. The rest of the background is a dark, star-filled sky with numerous small white stars and a few larger, more prominent stars with visible diffraction spikes.

А.Федянин

СОВСЕМ ДРУГАЯ ИСТОРИЯ

Андрей Федянин

Совсем другая история

«Автор»

2026

Федянин А. М.

Совсем другая история / А. М. Федянин — «Автор», 2026

Случилась эта история в 1988 году. Поверить в нее трудно любому, но только не мальчишке 14 лет отроду. Космические корабли и пришельцы наяву и немножечко во сне. Близкие контакты третьего рода. От паровоза до мимикрирующих инопланетных кораблей.

© Федянин А. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть первая.	6
Завихрения в катушках.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Андрей Федянин

Совсем другая история

Глава

Вовка и Ленка.

Ладно. Уговорили. Но только в последний раз. А то, честно сказать, надоело уже. Каждый раз результат одинаковый. Все так, – расскажите, да расскажите. А когда начинаем рассказывать – ухмылочки появляются, взгляды ироничные – ну-ну, мол, детки, давайте-давайте.

Сами же пришли, попросили, а до конца лень дослушать. Ну не обидно? Обидно. Ведь самое же интересное, чем все это кончилось.

Но про обиду – это мы так. Дело ведь не в том, что поверят или не поверят. Мы и сейчас думаем, что никто не поверит. Только это до поры до времени. У нас доказательства есть. Вернее одно, но какое! Но это наша тайна. Впрочем, тайна то, где это доказательство спрятано, а все остальное мы расскажем. Не жалко. История просто фантастическая. Если без доказательства. А если с ним, то чистая правда.

А началось все двадцать шестого июня 1988 года.

Часть первая.

Завихрения в катушках.

Вовка.

Да нет, Лень. Все началось еще до этого. Когда Мафусаил заболел. Зимой. Сразу после Нового года. Еще каникулы были. Ну, помнишь, снега навалило, а Мафусаил заболел. Для тех, кто Мафусаила не знает, объясню: дворник у нас во дворе жил, в первом подъезде на первом этаже. Ну, старый такой, чудной. Мафусаил Семенович. Весь двор еще хохотал, как он со своей кошкой разговаривал.

– Ты зачем, – говорит, – мне нога оцарапал. Я тебе нечаянно на лапа наступил, а ты меня оцарапал. Вот если бы я тебе специально на лапа наступил...

Чего хочешь, то и думай про него, а сто лет уже человеку. Или немного меньше. Я спрашивал, он говорит: "Давно живу, не помню". Я говорю, а по паспорту? А он мне: "А по паспорту помирать давно пора, только домой очень хочется". Вот так вот.

Приехал он откуда-то издалека. Давно. И живет все время один. Ни родственники к нему не приезжают, ни знакомые. Ленькин отец его еще в детстве знал. И отец Ленькиного отца – тоже. Мафусаил уже тогда дворником работал. Сколько лет здесь живет, а все в словах путается – "нога оцарапал, лопата сломался"...

Вот он нам тогда так и сказал, когда заболел:

– Снега навалило, а лопата сломался. Три раза чинил. Я так думаю, новая нужна. Вы бы к управдому сходили, взяли, – а сам в одеяло кутается.

Мы в этот день к нему случайно забрели. Сорвалось у нас с Ленькой одно дело. Хотя и так часто наведывались. Дверь у него никогда не заперта, дома он или нет. Да он дальше магазина никуда и не ходил. И телевизор у него все время работает, что утро, что вечер. И если ящик по двадцать часов не выключать, то и чинить его приходится не реже раза в месяц, а то и чаще. Леньке это вместо конфет. Он у Мафусаила как личный телемастер. И радио Мафусаил никогда не выключает. А если двор метет, то на шее у него всегда «транзистор» висит. Я же говорю – чудной. Но добрый. Наши все к нему запросто заходили. Погреться, если зимой. Или телевизор посмотреть, чтобы по домам не разбредаться. И разуваться у него не надо было.

Мы с Ленькой, понятно, и за лопатой сходили, и старую, как могли, починили. И снег разгребли. У нас во дворе с этим просто. Дом высокий – двор большой – Мафусаил старый. А потому, кому не лень, те за лопату и брались. Или мы из школы, или кто, если с работы. Мне лично даже нравится, когда снег только выпал – ширк лопатой – чистая полоса, еще ширк – шире.

Снег мы в тот раз выгребли весь. Часа три вкалывали. Под аркой, знаете, если во дворе у нас были, тоже намело. Так там уже в полной темноте, почти на ощупь скребли. Ну чего бы лампочку повесить. Там и днем-то, как в туннели. А ночью две кошки не разойдутся, лбами треснутся.

Мафусаилу доложили и на телевизор нацелились. Еще повозились с Ленькой из-за стула, но он крепче уцепился – так что на полу в результате я оказался. У Мафусаила в комнате один стул, один стол и кровать. Да еще двустворчатый шкаф без левой дверцы. За правой дверцей одежда висит, а слева на полках и на шкафу книги. И на шкафу же еще корзина, тоже с книгами. Я раз посмотрел, что он читает, не поверите: "Ядерная физика". Учебник для институтов. Умора.

Я каналами пощелкал, Ленька стул отодвинул, чтобы Мафусаилу с кровати тоже видно было и сел. А Мафусаил лежит, в потолок смотрит, глаза и нос красные. И дышит как, чайник со свистком. Ленька звук: убавил, потом совсем телевизор выключил. Я говорю:

– Дядя Мафусаил, давай молоко вскипячу или малины принесу. У нас есть – меня чуть что пичкают.

А он только головой покачал и, смотрю, слезы из глаз. Мне честное слово, даже смешно как-то стало. Может и не вовремя.

– Оэрзе, как оэрзе, – Ленька тоже заметил и тоже улыбнулся, – ну в худшем случае ангина. Что вы, дядя Мафусаил? Этих катаров сейчас, как, моли. В первый раз что ли?

Он молчит и плачет, ну, честное слово, как ребенок. Мы ему молока согрели, масла положили. Я малины банку принес. Сказал, что для Мафусаила – мать дала и сама пришла. Тоже говорит:

– В первый раз что ли?

А он ей уже совсем шепотом:

– Не в первый раз. Да я так, думаю, что когда-нибудь человек и последний раз заболеть должен.

Вот так. Похоже, наш Мафусаил помирать собрался. Мать, так та даже носом хлопнула, но молоком его все-таки напоила и врача вызвала. Евгения Петровна, наш участковый, ему кучу лекарств прописала, и нас с Ленькой наладила в аптеку. И мы, конечно, все купили, только зря: во дворе все знают, что Мафусаил никаких лекарств не пьет. И Евгения Петровна тоже, между прочим, знает. Но иначе-то как? На процедуры его ходить не заставишь, справки ему никакие не нужны, а делать что-то надо.

Ленька: Ты про главное расскажи. Про пришельцев.

Вовка: Подожди ты, по порядку надо.

Ленька: По порядку – это, между прочим, когда с главного начинают.

Вовка: По порядку – это так, чтобы поинтереснее получалось.

Ленька: Уж если на то пошло – самое интересное в конце было.

Вовка: Умник... Интересное самое – это когда самое интересное в конце рассказывают.

Ленька.

Вовку не переспоришь. По части интереса, он как компьютер. Правда, не очень хороший, потому что у него сбои бывают и завихрения в катушках. Многие во дворе считают, что он врет много, но уж если каникулы или так скука, то без него не обходятся. Я его лучше всех знаю, вралею его не назовешь. Просто у него диск заело на приключениях и разной фантастике. Так что лучше него никто во дворе истории рассказывать не может. Он этих книг перечитал столько, что его в библиотеке запросто в самые дальние уголки пускают и книг дают не пять как всем, а сколько унесет. Уважают. Но по литературе у него трояк. И брось ты, Вовка, мне на ногу наступать, все и так знают. Чего скрывать? Даже наоборот обязательно сказать надо. Его все время клуют, что Стругацкие это не Толстой. Да только и Толстой не Стругацкие, знаете. Это даже я могу подтвердить. «Трудно быть богом» читали? Мне Вовка давал. Ну, так о чем спор?

Только вот сейчас у Вовки очередной сбой, программа заиклилась. Потому что в нашей истории, ну в том, что с нами случилось летом, и по интереснее кое-что было. Только ладно, я уже сказал – спорить не буду. Все по порядку.

Значит так – Мафусаил заболел. На него и так-то смотреть жалко было: старый, седой весь, на левую ногу прихрамывает.

Не помню, чтобы к нему когда-нибудь кто-нибудь приезжал или приходил, кроме наших из дома. Есть такое слово – одинокий. Мне оно на язык не ложится, книжное очень – но точно про Мафусаила. Хотя ведь человек долгую жизнь прожил. Я однажды у него альбом с фото-

графиями видел. Старый, такой, с медными застежками. Огромный. Но фотографий там штук двадцать всего и все уже пожелтевшие. На одной он у броневика с пулеметами на башенках. Такие в фильмах про революцию показывают. И Мафусаил молодой еще совсем. Другая фотография – он на тачанке и в буденовке. Потом еще одна, он у своего драндулета – это я сейчас про драндулет расскажу.

Была еще Фотография – Мафусаил в шлемофоне около Т-34. И всегда люди рядом с ним, а сейчас... Меня все подмывало спросить, да как спросишь. Вроде неудобно. Я и так и сяк, выкрутился все-таки, спросил, чего, мол, никто не навещает. А он мне как, телеграммой, будто за каждое слово платить надо: "Да как навестишь-то. Далеко"...

И все. И объяснять ничего не стал, а я уже больше и не спрашивал его. А вот теперь лежит на постели, плачет и молчит. Только если мы телевизор там или радио выключаем – думаем: пусть поспит – возиться начинает, ворчать.

Мы с Вовкой, конечно, по сто раз на дню заходили, или, вообще, у него с утра до вечера просиживали, Вовка как-то даже ночевать оставался, когда Мафусаилу совсем плохо было. Раскладушку принесли.

Только, знаете, что интересно? Я к нему однажды вечером зашел, а его нет. Дверь нараспашку, одеяло на полу валяется. Пальто и шапка на вешалке. Я во двор, его и там не видно. Прикинул: в магазин ему не надо, в аптеку тоже. Мы все приносим. В сарае, думаю. У Мафусаила в глубине двора за деревьями, у забора который двор от железнодорожной станции отделяет, сарай был. Правда, его сараем назвать трудно. Будка такая из четырех железнодорожных контейнеров составленная и кое-где листами железными обшитая как, лишаями. Ржа-авыми... С другой стороны, ну чего Мафусаилу там делать? Он и здоровый туда никогда не ходит. Нет, смотрю, следы по снегу. Пошел. Ворота закрыты, но замка нет. А внутри тихо так, ровно мотор урчит. Потом заглох и снова заработал.

Интересно, чего у него там? И чего ему в таком состоянии там понадобилось? А вокруг больно-то не походишь, снег скрипит.

Я короткими перебежками вокруг, пока мотор работает... и нашел щелку.

Вот это да! А сарай-то и не сарай вовсе – гараж. И в гараже машина. Лимузин старый престарый, как сам Мафусаил. Точно тот, который на фотографии был. Ну а дальше как, в сказке. В сундуке утка, в утке яйцо. В лимузине Мафусаил. И двигатель: то заглушит, то заведет. И работает он ровно и чисто как, на новеньких «жигулях».

Я почему столько про мотор говорю: Мафусаил его раз десять заводил и глушил. А сам при этом все ворчал: "... ну милый, ну давай. Неужели так и не заработаешь... милый, ну. Ведь помру скоро..." И снова заведет, заглушит. Странно, да? Я подумал еще, если честно, что, может, бредит, температура все-таки.

Так он около часа просидел, я замерз уже. Потом, наконец, вышел, гараж запер, и нога за ногу домой. Меня не заметил, темно уже было. Это уже дня три прошло, как он заболел. А вечером неотложку вызывали, с сердцем у него плохо стало. От уколов он как всегда отказался. В больницу тоже не поехал. Валидолу пососал и уснул.

Я Вовке все рассказал. А он как, заведется:

– Чего молчал?

– Не молчал, – говорю. – Вчера только и увидел.

– Чего меня не позвал? Я бы...

– Чего бы ты бы?

– Ну, я, ну... Слушай, давай залезем, посмотрим.

Я ему говорю:

– Так там замок. И чего лазить. Драндулет, как драндулет.

Да и неудобно.

Но вы же Вовку знаете – полезли. Вы только плохого ничего не подумайте. Мы так, посмотреть только. Лист на крыше приподняли и туда.

Я такие машины только в кино видел, да в музее на фотографиях. Старая, черная, без крыши и колеса со спицами. Стекло переднее все в трещинах. Дверцу потянули, замок не работает. Дернули посильнее – вся машина задрезжалась. Вовка мне:

– Что же ты мне говорил, что мотор, как часы работает. Ее же, если завести – развалится.

Вот и вся экспедиция. Перепачкались все, вылезли и забыли про это. Вернее, забыли бы, но на следующий день Мафусаил снова в гараж ходил и снова ворчал на свой драндулет, и снова двигатель заводил. И опять ему плохо было с сердцем. Он виду не подал, но мы заметили,

* * *

Вовка: Все, Лень. Давай я про пришельцев расскажу.

Ленька: Ты... Ну чего влез с пришельцами. Сам же говорил – в конце.

Вовка: Ты, Ленька, ничего не понимаешь, а у меня чутье. Чтобы захватывало надо сюжет резко поворачивать. Мы про Мафусаила уже много рассказали. Надоело всем.

Ленька: Так самого главного опять не рассказали.

Вовка: Вот ты, Ленчик, потом про Мафусаила все и доскажешь. А сейчас не мешай. Слушайте.

Вовка.

Что? Интересно про пришельцев? Думаете, сейчас заливать будем? Не будем! Хотя и самому, иногда, кажется, что вычитал всю эту историю где-то, а где забыл. Или вообще приснилось. Но Ленька не даст соврать – только факты.

Этим летом, двадцать шестого июня, в три часа четырнадцать

минут утра у нас во дворе приземлились пришельцы. Смейтесь? Смейтесь-смейтесь. А я думаю: должно же хоть раз в жизни случиться с человеком такое, чего ни с кем ни разу не случалось. Говорите, почему ничего не сообщалось? Сообщили бы, если кто знал кроме нас. Тогда бы и истории не было. А есть!

Так вот значит, утром двадцать шестого июня мы с Ленькой...

* * *

Ленька: Вот-вот. Мы с Ленькой... А чего мы с Ленькой?

Вовка: Как чего? В экспедицию...

Ленька: В какую?

Вовка: Да ну тебя, в самом деле. Не сбивай с толку!

Ленька: А, по моему, это ты всех с толку сбиваешь. Ладно, не обижайся. Рассказывай.

Вовка.

Я тогда опять про зиму.

К концу недели Мафусаил уже совсем плох был. Температура хоть спала, но уж как-то совсем. Градусник больше тридцати шести и не показывал. Есть Мафусаил совсем перестал, если только силой. Мы с Ленькой уже не справлялись. Мама моя приходила кормить его. А он прямо на глазах, ну не знаю, уменьшался что ли. Усыхал. Евгения Петровна тоже приходила. Посмотрит, послушает, потом говорит: "Человек он старый, болезни тяжело переносит. Но все в порядке будет, вылечим". Но сама не замечая, нет-нет, да и пожмет плечами, или головой покачает с сомнением.

Однажды сижу, краем глаза на телевизор поглядываю. Мафусаил ведь ни в какую выключать не давал. Ленька где-то бежит, сейчас уже не вспомнишь. Вдруг Мафусаил просит, чтобы я по громче звук сделал. Я сделал, а сам радуюсь. Все значит «гуд». Будет жить. За три дня первый раз слово от него услышал. Встает он, а у самого ноги подкашиваются. Я его под руку поддержал – он к телевизору тянется. Там про тунгусский метеорит рассказывают.

Прилетел, упал, взорвался. Маневрировал... Мне интересно сделалось, жуть. Да, неудобно, вроде. А Мафусаил мне: "Сиды, смотри". И сел на стул прямо у телевизора.

Посмотрели. Интересно! Уже лет сто с лишним ищут его – метеорит – и никаких следов. Вернее, следы-то есть и много, но самого метеорита нет. Как в воду канул. То ли его в пыль разнесло при ударе, толи аннигилировал. Ну, знаете про антивещество.

И лес там на многие километры повален, и пожары страшные были. Изотопы радиоактивные в годовых кольцах деревьев, как раз за тысяча девятьсот восьмой год. Тогда он и грохнулся. И время в том районе течет, как-то по-особому. Замедляется. Я только облизнулся, будто мне свеженькую, тепленькую фантастичку прямо из типографии доставили. Меня бы туда – на Подкаменную Тунгуску. А может, говорят, и вовсе это не метеорит был, а космический корабль, потому что метеорит должен прямо лететь, а этот... В одной деревне его видели, как он летел, в другой нет. Хотя деревни на одной прямой с точкой падения находятся. Вывод: эта штука маневрировала во время полета. Кто за, кто против, а, в общем, никто ничего толком не знает.

А Мафусаил, вдруг, бух:

– Не там ищут.

– Ага, – соглашаюсь вежливо, киваю, а сам весь в экран.

Я про тунгусский метеорит и раньше слышат, но тут-то фотографии, аэрофотосъемка. Отрываться не хочется. Сейчас уже соображаю, что Мафусаил тогда выждал, когда передача кончится и опять:

– Не там ищут.

– Ну да, – улыбаюсь. – Восемьдесят лет и все не там.

Он, по-моему, даже обиделся:

– Я своими глазами все видел, – и отвернулся. – Был я там.

– Ну... – это все, что я из себя выдавить смог.

– Такой вот как ты был.

А я опять:

– Ну... – заклинило прямо.

Мафусаил пересел на кровать, чего-то долго соображал, пальцами шевелил, колени ладонями тер, открыл было рот... и тут Ленька ввалился. Трень-брень погода. Ну, разговора и не получилось.

Мафусаил снова лег. Весь вечер постанывал, ворочался так, что пружины в кровати звенели.

Обычно мы с Ленькой уходили, когда он засыпал. А тут никак. Уже двенадцать часов – и не спит. Температура у него, кажется, снова поднялась. Бормочет чего-то себе под нос. А за нами уже родители пришли, домой тянут. Оставлять Мафусаила так, вроде, не дело, – Поэтому с родителями договорились, что останемся ночевать у него на всякий случай. Потом прикинули, поняли, что две раскладушки у него в комнате не поместятся. Одна кое-как... В эту ночь, решили, останусь я, а завтра Ленька, если нужно будет.

Ночка, я вам скажу, выдалась...

Я только задремлю, слышу, Мафусаил возиться начинает. Глаза открою, он уже почти встал. Я ему:

– Лежите, Мафусаил Семенович. Я принесу, если чего надо.

Он на меня посмотрит, вздохнет тяжело и снова головой торк в подушку, как подкошенный. И так раз пять за ночь. Мне даже подумалось, что я ему мешаю. Ну, чего-то ему надо сделать, а я все время влезаю не вовремя. Под утро уже, часов в шесть, я сквозь сон слышу, что он опять встает... А просыпаться, жуть как не хочется. Приснилось мне, что мы с Ленькой метеорит откалываем. Яма уже глубокая-глубокая, и точно знаем, что здесь он, а добраться никак, не можем. Землю ведром на веревке наверх таскаем. Гора уже такая, леса не видна. Только

я Ленку сменил – вниз спустился – копнул, а лопата звяк обо что-то. Есть! И проснулся. Как всегда на самом интересном месте. Глаза открываю – кровать рядом пустая. Мафусаил на кухне копошится и звяки оттуда доносятся. Когда я туда вошел, он на меня даже не обернулся. Может и не заметил, я же босиком был.

Мафусаил в стакан с водой что-то вытряхнул из бумажки, ложкой помешал и глотнул. Но до конца не допил, застонал – зарычал даже – и все, что в стакане было, в раковину выплеснул. Тут и меня заметил. На стакан посмотрел, на меня. Потом стакан на стол поставил, резко так отодвинул от себя ребром ладони и мне через плечо: "Садись на стула, слушай!". Я весь свой сон будто под подушкой оставил, как был в трусах, так и сел. У Мафусаила на лбу испарина выступила. И начал он про вспышку, которая ярче солнца была – слышал я это. Небо там в тайге светилось – ну, дальше. Тайга неделю или больше горела – да, знаю, ну. Только упал он в другом месте.

– Ну-у-у...

– Сам видел, – говорит, и хлоп рукой по столу.

– Как же так, – спрашиваю. – Траекторию же вычислили и очевидцы были? И обломков никаких?

– Я самая главная очевидец, – отвечает. – Не падал он там. Далеко падал. Тихо падал. В болото падал. Второй взрыв не было. Тайга целый стоял. Не там ищут. Мафусаил правда говорит.

– Так там же за сто лет каждый метр облазили, дядя Мафусаил.

Эх, не надо было мне этого говорить. Он весь покраснел, затрясся.

– Не там ищут! – крикнул и, представляете, бегом в комнату к шкафу. Еле на ногах устоял. – Не там! Я знаю, где надо!

– Да вы успокойтесь, Мафусаил Семенович, – следом бегу, а у самого даже в горле пересохло. – Вы ложитесь и рассказывайте дальше.

Он по полке пальцами барабанит, волну-у-ется. Схватил стул и полез на шкаф. Да куда там, он и по ровному-то полу еле-еле. Потянул на себя корзину – книги посыпались, а с ними и Мафусаил. Я его только-только подхватить успел. Я его к кровати тащу, а он упирается, книги из корзины выбрасывает:

– Все говорить буду, Вова. Все. Будь что будет.

Я с тех самых пор никому не слова об этом не сказал. Боялся все. Тогда, давно, пробовал, – и книга за книгой на пол, – хорошо, если просто посмеются и отойдут. А один попался – больным меня посчитал, лечить вздумал, Вова. Понимаешь, решил, что псих я, Вова. Еле-еле я нога унес. И еще раз потом пробовал рассказывать. Это уже много лет прошло. И опять решили, что я с ума сошел. В больницу заперли, долго не выпускали...

И тут на дне корзины кокой-то большой сверток открылся. Он как его увидел, сник сразу. Рукой по нему провел, будто пыль стирая, ноги у него подкосились и он, прямо, ну стек на пол. Головой помотал из стороны в сторону и затих.

Я его уложил, укрыл. Отдышался.

Честно скажу, испугался я тогда здорово. Никогда его таким не видел, ни до ни после. Он и правда, каким-то сумасшедшим сделался, когда на шкаф полез. Я уже хотел позвать кого-нибудь. Нет, лежит тихо, дышит ровно. Глаза закрыты – спит. Тут меня смех разобрал: ну, какой метеорит? Дурак я. Расскажи кому – засмеют. Книги собрал в корзину, сколько уместилось. На шкаф поставить и думать нечего, кое-как за кровать задвинул. Потом пошел, умылся, книги-то все в пыли были. Вернулся. Мафусаил по комнате глазами шарит. Когда меня увидел, тихо так позвал: "Вова". Я подошел, он меня за руку взял и чего-то мне в ладонь сует, а сам опять:

– Правда, Вова, все правда. Хоть всего и не расскажешь.

– Да верю я, дядя Мафусаил, – успокаиваю, одеяло поправляю. – Не волнуйтесь так. Вредно вам.

– Ой, вредно, Вова, – помолчал, за руку меня потянул. Я на кровать присел. – Да я всю жизнь об этом думал, Вова. Всю жизнь. Как тогда увидел... Сам бы ты увидел, забыл разве? Я тогда один тайга ходил, долго искал. Потом план рисовал. Совсем, почти, место нашел, да только заболел я сильно, совсем нога ходить перестала. В тайге меня подобрали, в деревню увезли, потом в город. Да и время-то какое было. Скоро одна революция, другая. Война гражданская, потом другой большой война. Все прошел, Вова. А план сохранил. Посмотри. Не уноси только, мне без него плохо жить будет. Сам все найти хотел, да куда теперь. Совсем заболел, совсем плохо. Совсем мало жить осталось. Девяносто лет храню.

Рулончик из брезента у меня в ладони, зашит суровыми нитками. Взял ножницы разрезал. Внутри лист. На листе карта. Но лист белый, глянцевый, плотный, в руках сам развернулся, будто только скрутили. Новее нового. Я на Мафусаила глянул, а он губы облизнул и шепчет:

– Не понял ты, Вова. Я в тайга, план рисовал на чем придется, на шкурке там... А потом по карте исправлял. Много лет прошло пока я такой карта, как сейчас делают, нашел. Вот и перерисовал наново.

Странно все это, думаю. Ну, может, все так и было, как он рассказывает. Только сейчас-то не война и не революция. Нормальные люди кругом. Рассказал бы, вдруг, да и нашли бы метеорит по его карте. Да это же на весь мир. А Мафусаил свое:

– Метеорита в болото упал. Не глубокое там болото, но сверху не видно. Прибор нужен. Миноискатель. Да какие в те годы миноискатели, когда я и лампочка-то обыкновенный только через год увидел. Да вот теперь... Такой как ты был... Никогда, понимаешь, не видел, как камни с неба падают, – вздохнул тяжело. – Раз только увидел – на всю жизнь запомнил. По ночам снится, – и опять. – Да всего, видно, не расскажешь.

Губы у Мафусаила сухие, потрескались даже. Он их языком облизнул, кашлянул:

– Попить бы... – и глаза закрыл.

Я на кухню пошел, стакан со стола подхватил. Для воды.

Вот сейчас вам про эту ночь рассказываю, а в голове одна мысль звенит: "Всего не расскажешь". Я еще во время разговора почувствовал, когда Мафусаил в корзине сверток увидел и сник вдруг, что разговор после этого как-то не так пошел. Если до корзины он как в бой рвался, то потом про карту рассказывал уже нехотя, как по обязанности. Так, с отдельными вспышками.

Не все он мне рассказал. И не в том дело, что всего не расскажешь, нет. Чего-то он вспоминать не захотел. И вот что меня еще насторожило: я воду принес, а Мафусаил уже спит. Хотел я стакан на стол поставить, и тоже спать завалиться, но зачем-то в кухню вернулся. Воду в раковину вылил, гляжу: что-то там на дне искоркой блеснуло. Присмотрелся – лежит в раковине маленькая такая скорлупка, меньше чем от вишневой косточки. И еще одна рядом. Прозрачные, как из стекла. В руки взял – мягкие вроде резины. Я-то в пустой стакан наливал, значит это из той бумажки. И бумажка – вот она на столе лежит. Мафусаил скомкал и бросил. Сроду я таких скорлупок не видел.

Сейчас, задним умом, понятно, неспроста Мафусаил разговор поменял, неспроста и скорлупки в раковине оказались. Но тогда меня другое занимало.

Карта в руках. Очевидец живой. Так мне впервые эта идея в голову и закружилась. И не закружилась даже, тараном вломилась. Я бы босиком по снегу туда побежал. Пешком до Подкаменной Тунгуски.

Ленька: Ты бы обулся сначала...

Вовка: Уф-ф...

Ленька: Как же ты без калош-то?

Вовка: Рассказывай сам, если невтерпеж. Чего ты вечно перебиваешь?!

Ленька.

Нет, правда. Я Вовку знаю, если ему, что в голову втемяшится, перебить можно если только... Хотя мне, например, не удавалось ни разу перебить такого говоруна, как Вовка. Зато на себе его заскоки я хорошо почувствовал.

В прошлом году, летом, он меня недели две по чердакам и подвалам таскал. С семи утра и до семи вечера. Железно. Как на работу. И нашел! Чего искал? Кла-ад. Целый сундук. Ну не сундук, чемодан фанерный. А в нем – бумажные деньги. Каждая бумажка со скатерть, в крайнем случае, с тетрадный лист. Полный чемодан!

Правда, их даже в музей не приняли, сказали, что этого добра и так хватает. Зато на киностудии обцеловали, на съемку сводили и сказали, что позвонят. Может быть, в кино нас снимут, если роль подберут. А зачем? Мне с Вовкой и так кино каждый день. Мы с ним уже лет семь знакомы. Умножьте на триста шестьдесят пять... Вот. Почти две с половиной тысячи серий. И все бесплатно.

В этот раз с миноискателем история закрутилась. Мафусаил этим метеоритом так, Вовкины мозги вспенил, что тот ни о чем другом уже и думать не мог. С шести утра мне звонил.

Тогда мы с ним и поссорились. Ну что, в самом деле, за глупость – метеорит искать. Я ему тогда так, и сказал: восемьдесят лет ищут, а мы лопату взяли и откопали. Он, конечно, к лопате прицепился.

– Если бы, – говорит, – дело в лопате было, я бы и без тебя обошелся. К тебе за помощью, а ты нос воротишь. Друг еще.

– Вовка, ты чего? Со временем зарез, – объяснить пытаюсь. – У меня дел по горло.

Мы с отцом компьютер до ума доводим.

– Это вчерашний день, – Вовка кричит уже. – Мафусаил знает, как метеорит найти. Соображаешь? Это на весь мир... Да у него план есть... Он где искать знает... Только вот прибор для поиска нужен... Да это по чище Троя...

Что за Троя, это я только потом узнал. Город такой древний был. Его где-то в пустыне откопали. Ну, Троя-Троей, а поцапались мы тогда круто. Из школы и в школу по одному ходили. Даже на разные парты разбежались.

С прибором мне, конечно, интересно повозиться, только зло меня тогда взяло. Ну как же так: врывается, командует, ногами топает. Все брось и только им и занимайся. Хотя, как всегда, по Вовкиному и вышло.

Недели через две после нашей ругачки мы с отцом наладку компьютера закончили. Опробовали. Интересно, спасу нет. Только мне что с него? Домашнее задание по физике делать? Ну, поиграл. Посадка на Луну, морской бой. Вовки нет. С отцом... Не люблю, жуть, когда дело сделано, а нового не придумал.

Тут я про Мафусаила и вспомнил. Конечно, там планы, карты, клады это все Вовкины дела, а вот прибор для поиска это уже кое-что. Собственно прибор-то – тьфу. Миноискатель обыкновенный. Даже не миноискатель, а металлоискатель. Их вон даже в хозяйственном магазине продают, бытовые. Иголки искать, провода под штукатуркой. Ну, понятно, нам помощнее надо, понадежнее. Хотя все равно, чуть сложнее, чем дважды два. И вот если бы не одна заковыка в этом деле, я бы за него не взялся.

Вовка: Видали? Я же говорил, Ленку хлебом не корми, дай в железках поковыряться.

Ленька: Вов, а знаешь, какая разница между резистором и транзистором?

Вовка: Ну-у...

Ленька: Один резистор, а другой транзистор. Понятно?

Вовка: Понятно. А какая разница между Марком Твенем и Самюэлем Клименсом?

Ленька: Ну-у...

Вовка.

Я, честно скажу, знать не знал, что Ленька в моих сетях запутался. Но очень на это надеялся и не очень волновался. Во-первых потому, что Леньку к любой технической проблеме как магнитом тянет, а во-вторых потому, что дело без меня все равно бы не пошло. Не во дворе же метеорит искать. До Подкаменной Тунгуски еще добраться надо – это не за хлебом сходить. Это все еще организовать надо.

В общем, смотрю я, Ленька ходит, за углы задевает. На уроках чего-то чертит, считает. Не поверите – трояк по физике схватил. Ну не смешно? Человек дома компьютеры собирает, прибор на мировом уровне клепает, а ему трояк, по физике... Но металлоискатель он все равно сделал. Да только он уйму энергии жрал. Извините, потреблял. Хотя первое вернее: уж больно много ее надо было. Ленька металлоискатель при мне в розетку включал – даже лампочки притухали. А в тайге розеток сами понимаете... и никаких батареек бы не хватило. Да, Лен? Но не будь Марк Твен Самюэлем Клеменсом, если бы Ленька этот орешек не расщелкал. Тут даже я понял. Если проводник движется через магнитное поле, то в проводника возникает, ну, правильно, электрический ток. Важно здесь что? Верно – двигаться. А уж если ты чего-нибудь ищешь, то стоять на месте просто не возможно. И магнитного поля на земле – хоть ложкой ешь. Физика – какой класс? Согласен. Идея не новая. Начиная с примитивного компаса и заканчивая японскими часами. Я про них сам читал, они без батареек работают на рассеянных электромагнитных полях. Ну, а насчет мощности – тут уж без Ленкиного технического супер гения – ни-ка-ак!

Ленька, как только это дело обмозговал, так на радостях ко мне. И не вспомнили мы даже, что два месяца не разговаривали. Это уже – январь, февраль – март был. Апрель, май и... оп, каникулы. Но собрались мы только к концу июня. Сами понимаете: родители, дорога, снаряжение. Да и не глупые мы детки, понимали прекрасно, что первый попавшийся дяденька-милиционер возьмет нас за шкуру и приведет домой. Тепленькими. Короче, весь май и июнь ушли на разработку операции. Путь я продумал. За забором железнодорожная станция, товарные поезда. В любую точку родной страны, хоть, правда, и зайцем. Я как заправский шпион две недели с биноклем на заборе просидел. Как спутник, какой разведывательный, за станцией наблюдал. Не обращали внимание? У нас просто мелом на вагоне пишут, куда его везти надо. А, стало быть, и нас. Выследил, высмотрел. День и час. Два раза в неделю, как будто для нас специально, почти до места. Обратно и так привезут. Если метеорит найдем – победителей не судят. Вы спросите, а в тайге? А телевизор на что? Там про все рассказывают. На Подкаменную Тунгуску каждый год экспедиции ходят. Главное приехать во время, и идти не отставая. Я поинтересовался, газеты почитал, журналы – не все на вертолетах добираются. Нет, здесь как раз мы бы не промахнулись. А на месте, ну что ж, из-за нас обратно не пойдут. Да и вертолет пришлют не сразу. Мы бы дня три по партизанили, нам бы и хватило. А потом бы сдались. Люди, я думаю, там с понятием.

Собирались мы двинуть на Подкаменную Тунгуску в июле, но пришлось поторопиться. События, как говорится, приняли вдруг неожиданный оборот.

Понятно, спешка плохой советчик, но тут моя вина. Вся эта история с поиском метеорита дело очень серьезное. Настолько серьезное, что Расскажи кому – засмеют. Вот мы и молчали об этом, как партизаны на допросе. Но ведь распирало меня не хуже барона Мюнхгаузена с его историями. Какое-то время я терпел, но однажды утром проснулся и понял – если кому-нибудь не расскажу – лопну. Выбрал из двух зол меньшее и решил рассказать Мафусаилу?

Отнесся он к этому – никак. Болел еще вовсю. Я думал, он обрадуется, а у него в глазах так вроде что-то проскочило, интерес какой-то, а потом как пробки перегорели – раз и потух. Но вот странное дело. Как только он начал выздоравливать, про метеорит говорить стал все реже к реже. Спросишь его о чем-нибудь, а он отвечает неохотно, да ну, мол, вас с глупостями.

Когда совсем выздоровел, даже отвечать перестал. Замкнутый ходил, злой даже. А потом как-то, в мае уже, встретил меня в подъезде и хмуро так:

– Ты, Вова, – говорит, – карта мой обратно принеси. Не нужен он вам. Баловство одно.

Я рот от удивления, наверное, целую минуту закрыть не мог. Нет, ну понятно. По поводу нашей затеи он никогда особенной радости и не выражал, хотя внутри, я же видел, его это как-то грело. Понятно и то, что взрослый человек двух пацанов в тайгу одних налаживать не должен, но чтоб вот так... Уж вроде решили все в молчанку играть...

– Как же так, дядя Мафусаил, мы же почти полгода готовились. Июль на носу, Мафусаил Семенович.

– Нечего пацанам в тайга делать, – как шлагбаум опустил. – Неси карта. Все равно не уйдете – родителям скажу, – и глаза отвел.

Испугались мы с Ленкой здорово. Не родителей, нет. Мы еще ничего натворить-то не успели. А вот, что такое дело срывается... Два дня ждали что будет. Не-ервничали, Потом Мафусаил Ленку встречает и тоже самое, слово в слово, и ему. И про баловство и про родителей. Мы прикинули, чего бы это Мафусаилу сразу-то после разговора с нами, после ультиматума, родителям нашим не настучать. Прикинули и поняли – не хочет. Почему? Не совсем понятно. Но не хочет! Не хо-чет! А раз так – бояться нам нечего. Карта не хитрость и срисовать не долго. Вот только, если он нас сам стеречь будет. Он же все детали операции знает. Ай, ладно.

А вот чего с ним самим случилось, с Мафусаилом... Может, если уж

выздоровел, то снова сам решил искать. И все равно странно. А глаза как отводил? А?

А-а...

Вот мы и решили ближайшим же поездом...

* * *

Ленька: Ты бы без подробностей, а?

Вовка: Да, вы уж извините. Я и так петляю, как заяц в полнолуние. Но ведь понятно: раз не этим летом, так следующим нам это "окно" еще понадобится. А теперь, когда все расскажем, мы вроде как под "колпаком" будем.

Ленька: Ага. Как Штирлиц. Только теперь, после всего, что случилось, мы все равно туда сорвемся. Уж как, хотите. Нам теперь туда ой как надо. Как, лунатикам на крышу.

Вовка: Как Емеле на печку!

Ленька.

Двадцать шестого июня уходил поезд, на котором мы должны были уехать. Все у нас готово было. Рюкзаки, продукты. И энергетическую установку я как часы отладил. Получилась она размером, как две коробки из под ботинок. С ней же вместе и металлоискатель был смонтирован. Вовка все правильно рассказывал про принцип действия. И про операцию. Поезд уходил в шесть вечера, но упаковаться в него решили еще ночью. Мафусаил-то с нас глаз не спускал. Но детали я тоже опускаю.

Для родителей бросили письмо в почтовый ящик, чтобы не очень они волновались. Причем так рассчитали, что прийти оно должно было днем, в крайнем случае, вечером. Дальше просто. Рюкзаки заранее вынесли. Ночью вышли. Вовка через дверь, я через окно – на первом этаже живу. Хотя, знаете, Вовка и здесь чудил. Сначала придумал со своего пятого этажа через окно спуститься. Хотел канат из простыней связать – вычитал где-то. А я ему предложил дверь и замок как следует смазать, чтобы не скрипели. Не сразу, но согласился. Долго я ему внушал, что у нас и так мало шансов до места добраться, а если он со своих простыней спикирует, то и вовсе можно про метеорит забыть. Потом он еще хотел письмо для родителей в бутылку засунуть и в коридоре под дверью своей квартиры оставить. Я ему объяснил, что ее – бутылку – скорее всего, просто выкинут, кому надо с ней возиться. Ну и так далее. Про Вовку всего

не расскажешь. Про него надо отдельно целую неделю по восемь часов в день и обязательно с перерывом на обед. А то устанешь быстро.

В три ноль-ноль выбрались из дома. Осмотрелись. Тихо все. Свет в квартире Мафусаила не горит. То ли спит, то ли следит. Вовка стережь остался за кустами. Там где машины стоят, а я за рюкзаками двинул. Во дворе мы их побоялись оставить из-за Мафусаила. Он бы их точно нашел, потому что каждый вечер обход двора совершал. Так что спрятали на улице, было там у нас одно местечко. Этот этап операции назывался "развертывание". Ну, сами понимаете, это опять Вовкины дела, а у меня своих по горло. Добежал я до места, погрузил все на велосипед и уже обратно, но задержался. Свист какой-то странный меня отвлек. Будто воздух из проколотой шины. Негромкий... Прислушался... снова все тихо. На велосипед и в сторону двора. В арку влетел – топот навстречу. Приплыли, думаю, Мафусаил за Вовкой гонится. Повернул обратно, да с таким грузом, где в арке развернуться, занесло... Растянулся на повороте. Тут на меня кто-то налетел и по уху так саданул, что в глазах светло стало, да услышал, как что-то тяжелое и железное рядом упало. Может, Вовка чего-то с собой тащил, уронил, да тут же рядом грохнулся. Побарахтались мы. Вовка у меня сумку тянет, ворчит. А я ее себе на шею повесил, как самое ценное – металлоискатель в ней. К этому времени я уже и сам решил рвануть, но чувствую, меня кто-то за ногу держит. Дернул – звякнуло. Понял, что штанина в велосипедной звездочке застряла. Ладно, сумку отдал. Дуй, говорю, Вовка. Если успею освободиться из этого велосипедного капкана, то мне еще рюкзаков хватит. И Вовка деру. Я кое-как высвободился, а тут опять топот. Да какой! Громкий... под аркой – так, прямо, как трамвай. И опять меня как двинут! Мафусаил мимо меня промчался, даже не остановился. Откуда такая прыть. Только я поднялся, шаг сделал и снова спикировал. Ящик, какой-то под ноги попался. Вот в этот раз искры у меня из глаз какие-то особенные полетели. Фиолетовые. Точно. Не шучу. У меня даже мысль проскочить успела, что не искры это вовсе, а лампочки цветные. Невесть откуда взялись. До конца я эту задачку так и не решил, потому что, вдруг, слышу; «Лень, Ленька» – голос Вовкин со стороны двора. И я туда – чуть не на четвереньках.

Вовка за углом, подчеркиваю, во дворе на земле сидит и бормочет только: "Ленька, Ленька..." Я ему – давай двигать, а то Мафусаил вернется. А он свое дует: "Ленька-а..." – и зубами клацает. Натурально. Как пишущая машинка. Я воздуху набрал побольше, полные легкие и..., тут только сообразил, вернее совсем запутался: Вовка же со двора удрал и сумку уволок, как же он здесь снова-то очутился. А он меня за рукав ухватил, к себе тянет и рукой-рукой в сторону двора машет;

- Ленька, Ленька, смотри, Ленька. Пришельцы...
- Какие пришельцы? – я прямо взорвался. – Где сумка?
- Пришельцы, – бормочет. – Пришельцы.

Я глянул, стоит посередине двора какая-то коломбина. Да мне-то что. Раз Вовка здесь, то кто сумку с металлоискателем уволок? Нам же без него зарез. Конец. Крышка. Каюк. Вовку на ноги поднял, встряхнул... тут шорох в кустах и голос Мафусаила: "Что за шума? Алкоголики. Сейчас милицию вызову". Мы с Вовкой по стенке и в соседний подъезд, благо дверь была открыта. Притихли. Отдышались. И, братцы мои, мне тут просто холодно сделалось. Замерз совсем. Смотрите сами: Вовка здесь, вот за спиной тяжело дышит, Мафусаил в кустах. А искатель? Снова как током шибануло. Кто увел? Я к Вовке, а он как чумной, про своих пришельцев. Прислонил его к стенке и ноги в руки... До утра по городу на велосипеде колесил и никаких следов. Столько времени во дворе потерял. Если бы не Вовка...

Вовка: Ну вот опять ты. Теперь-то знаешь, как дело было.

Ленька: Ну теперь... Но как вспомню... у меня же тогда наш искатель в голове, как заноза сидел. Я же его тряхнуть лишний раз боялся, а его невесть кто, невесть где, невесть как...

Вовка.

Ну ты отдышись пока, а я доскажу спокойно.

Поехали.

На чем шпионы попадают? На мелочах? Правильно. Вопросик не для Кэвээна. Потому что всего не предусмотрит. Мозгов не хватит. А ты, Ленька, галопом по Европам. Ну, скажи мне, что за ящик тебе под ноги попался в арке? Ведь не было там ничего, когда ты за рюкзаками помчался. Нет, ты спокойно: я то знаю, да и ты тоже. Но рассказываешь ты так, что придаться к тебе раз плюнуть. А тут подробности нужны – и так все, как в кошмарном сне. И одно тебе оправдание, что завелся ты тогда здорово.

Этот прибор для Леньки, как свет в окошке. Он на него дышать боялся. И когда его у нас увели, Ленька еще полдня ни о чем слушать не хотел. Пожароопасным сделался, как новогодняя елка. Правда, пока машины не нашли. Так завелся ночью, хоть связывай.

Да и я тоже чуть не спятил, правда, по другому поводу.

Ленька ушел за рюкзаками, а я за кусты спрятался...

Стоп. Прежде чем дальше рассказывать, я вас всех вот о чем попрошу. Вы время засеките, пожалуйста. Да, да. Прямо сейчас, возьмите часы и засеките. Засекли? Тогда слушайте.

Я столько книг перечитал, фантастики разной, историй, приключений. Иногда читаешь – здо-орово! Мурашки по спине бегают. Захватывает так, что – до утра, до последней страницы. Пока не перевернеш не уснешь. Дочитаешь, даже обидно делается. С одной стороны... Не заметили? Что вторая половина книги всегда быстрее читается. А конец так просто галопом, как, из пулемета, страницы не успеваешь переворачивать. Ну еще бы страниц десять, ну хоть пять. Ощущение такое, что вместе с книгой и жизнь кончится. Так нет, эти писатели конец как будто под плеткой пишут. Чем быстрее допишешь, тем меньше получишь. По спине. А с другой стороны – тоже обидно – ну не все же, про что пишут, придумано.

Ну, должно же хоть раз в жизни случиться с человеком такое, чего ни с кем ни разу не случилось.

И случилось, братцы. Случилось!

Сижу я за кустами. Воображаю себе, как мы метеорит найдем. Шуму будет, треску. Слышу, Ленька свистит, знак подает. Чего он? Высунулся я так чтобы не засветиться – не видно ни кого. Соображаю, что свист какой-то необычный. Уже, наверное, с минуту без перерыва. Так свистеть – лопнуть можно. Головой повертел, настроился как локатор, пеленг поймал – свист сверху. Тихий, но усиливается. Глаза поднял, умереть не встать, прямо во двор, опускаются две звезды. Отлепились от неба и опускаются. Потом потухли и, я вижу, что снижается что-то большое и темное. Настоящие звезды собой закрывает. Получается темный круг. Но не облако. Шар. Зонд, успел подумать, метео. Нет. Опускается быстро.

Я даже зубы сжал и присел, сейчас как, треснется! Но свист таким высоким сделался и стих точно, когда эта штука земли коснулась. И как коснулась. Просто шепотом. Только воздух будто сдвинулся – теплой волной обдало. И уши заложило, как в самолете при посадке.

Опустилась эта штука на три опоры и чуть «жигуленок» не раздавила.

Вот я всем говорю: не страшно совсем было. Не верят. А правда, страха не было. Ноги тряслись, было. И в коленях слабость. И внутри все трепыхалось. Но не дрожало. Как-то это по другому было. Как в кино иногда сидишь – вот сейчас самое интересное будет, вот сейчас, вот за углом... только бы пленка не оборвалась.

Не оборвалась. Я как увидел, сразу понял – пришельцы. Интереснее не бывает. Пришельцы!!!

Опять смеетесь? Ну и зря. Это как, раз не самое смешное.

Вот вы бы, к примеру, чего подумали? Спускаемый аппарат с космонавтами? Прямо из космоса и без поисковой службы? Или испытания новой техники? Вот это-то и смешно. Только пришельцы! И то, только по крайней необходимости. Вынужденная посадка.

Я и дышать забыл только, кажется, Леньку позвал. Или показалось, что позвал.

Опустилась... Я сглотнул – в ушах щелкнуло. И в этой штуке тоже чего-то щелкнуло. Тихий такой щелчок, как, стаканчик из-под мороженого прихлопнули. Что-то в ней открылось – люк что ли – человек из нее выскочил и бегом к арке. Невысокий такой человек.

Ну не человек – пришелец. Как хотите, назовите, только на двух ногах, с головой и двумя руками. А в руках ящик с фиолетовыми огоньками сверху. И одет он был в черный скафандр. Хотя ночью что воробей, что синица, все одного цвета. Вот такой черной тенью мелькнул у арки, тогда я и испугался. Он же так мчался, что можно было подумать – вот сейчас эта штука на трех ногах как рванет на кусочки! Может авария у них, может двигатели из-под контроля вышли. Он же от нее бежал, как от бомбы, которая уже тикает. Да и нес чего-то, может рацию спасал, может НЗ. Про рацию это я к примеру, понятно же. Я, в общем, тоже ждать не стал. Тоже понятно. Бегом к арке. Там грохот. Чего-то падает, звенит. Возня какая-то. Про Леху я и не вспомнил, пока его голос из-под арки не услышал. Мне показалось: он меня позвал. А тут сзади еще топот. Я обернулся – на меня из люка второй летит. Огромный. В блестящем скафандре. Я еле-еле отскочить успел в сторону. И правильно сделал, потому что этот второй плечом за угол дома задел чуть-чуть и штукатурка посыпалась. До сих пор это место на стене не заделано, только все думают, что это грузовиком зацепило. Не лень если, зайдите во двор, посмотрите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.